

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 16-го Февраля 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11897.

МОРЕ.

АКВАРЕЛЬ.

Берегъ обрывался круто и неожиданно, и спуститься можно было только по узенькой дорожкѣ, усыпанной мелкимъ, катучимъ камнемъ.

Пѣвучая дорожка! Но вотъ я внизу. Усмиренныя волны разстилаются по берегу легкую голубую пряжу,—платье не вѣдомой принцессы или знамя невѣдомыхъ побѣдъ,—но и шумъ воды здѣсь кажется тишиной.

Душа растетъ, сама походитъ на бѣлую чайку, которая разливаетъ тоскующій плачъ надъ воднымъ пространствомъ. Уходишь вдали, уходишь ввысь и точно таешь въ безпредѣльномъ глубокомъ вздохѣ.

Мое милое, мое чудесное, обожаемое море!

Все подвижно, все неопределенно и неожиданно.

Въ шумѣ—своебразное молчаніе; въ покоѣ—сокрытая гроза, мятехъ, малахитовыя хаосы.

Тысячи прекрасныхъ словъ! Каждое настроение встрѣчає откликъ, горе—свой плачъ, буря—отвѣтъ бурю, и всякая сказка по учає свою форму.

Необъяснимая, чарующая загадка,—точно смотришь въ глаза, которые остаются вѣчно чужими, и нѣть твоей души, но есть иная, громадная,—вся милость, вся свѣтъ, вся около неба, въ солнцѣ и около земли—безъ грѣха!

Странно, ушла твоя мрачная дума, точно мышка спряталась. Подъ золотымъ крыломъ солнца, тепло, ласково, и грезится чудесное, далекое. Ты теперь будто малый ребенокъ; сидишь на колѣняхъ мудраго старца и внимашь волнующимъ сказкамъ. Какимъ языккомъ онъ передаются? Онъ безъ словъ и прямо входятъ въ душу.

Туда, за грань горизонта уходятъ таинственные пути, къ невѣдомымъ, чудеснымъ странамъ.

Бѣжитъ и пѣнится дорога и на минуту суживается, останавливается около константинопольскихъ минаретовъ.

Дремлютъ черные кипарисы. Коричневый куполь выгнула Айя Софія. Странный говоръ, странная пѣсни, пестрый платъ.

Запахъ кофе, кальяна, морской сырости, и видно, какъ узія, золотоносая, лодки убѣгаютъ по голубой глади золотого Рога. Плачетъ шарманка; монотонный льется голосъ муздзина.

Сразу развернулось мраморное море,—бѣлое ложе, скутанное голубыми и золотыми цветами.

Тише,—Дарданеллы. Печально и таинственно звонятъ пароходные колокола: входъ въ страну миѳовъ. Архипелагъ сиреневыми островами, которые плывутъ навстрѣчу и исчезаютъ, точно снovidѣнія.

И все въ тишинѣ, въ очарованіи, будто не было вѣковъ послѣ Христа и вокругъ только дѣвній міръ и древніе миѳы. Мелькнули сонныя очертанія Партиона,—такъ сѣры, будто вся пыль времени легла на нихъ.

Проектъ памятника „отцу русского театра“ Ф. Г. Волкову.

23 января ярославская городская дума приняла проектъ памятника основателю русского театра Ф. Г. Волкову. Принять проектъ работы художника Дириха Волкова предложено на памятникъ декламирующимъ стихи. Памятникъ будетъ поставленъ на родинѣ русского театра—въ Ярославль, передъ зданіемъ недавно выстроенного городского Волковского театра. Сооруженіе памятника обойдется въ 18,000 рублей.

A. X. Востоковъ.

Къ 50-лѣтію со дня смерти.

Знаменитый русский филологъ, труды котораго цѣняются и заграницей. Нѣмѣшъ по происхождению, онъ настолько полюбилъ русскій языкъ, что перемѣнилъ даже родную фамилию Остенекъ на Востокова.

Вечеръ у Тезеева храма, запахъ цвѣтовъ. Статуя Афродиты,—бѣлая мраморная, словно Эллада, въ малахитовой рамѣ моря.

И внизъ понеслась таинственная дорога къ путямъ финикиянъ, въ Средиземное море.

Два пути предъ тобою.

Направо, къ столбамъ Мелькарта, куда придинулась черная католическая Испанія, а за ними таинственный океанъ и далекій Колумбовъ міръ.

Налѣво,—путь въ Индію. Мелькнули Александрійскіе маяки. Тихіе очерки пирамидъ; вдали, будто въ полуракѣ коричневое лицо Сфинкса съ неживыми, мудрыми и безконечно волнующими глазами.

Путь въ Индію. Смутныя пагоды. Звонки серебряныхъ ко окольчиковъ. Будда въ тишинѣ храма. Священные танцы,—смуглыя тѣни извиваются экстазно въ пестротѣ восточныхъ одѣяній.

Загадочный Бенареъ,—книга факировъ. Дэлгій, золотой Гангъ—очищеніе паломниковъ.

Бѣлыя слоны раджъ, государства сказки рядомъ, въ джунгляхъ—крадущійся, гибкій тигръ и извивы змѣи съ изумрудными застывшими глазами.

Колокольчики въ пагодахъ звенятъ...

Укая Ява съ янтарными яванками,—плетеныя корзины съ плодами, странныя ткани,—коричневыя съ черѣмъ.

И сонъ здѣсь свой,—янтарный..

Бумажнымъ фонаремъ освещена длинная комната, коричневая даже въ угри, точно доски тоже загорѣли сть солнца. Нѣжно шумящія цыновки, странная черная трубка съ рубиновымъ огонькомъ, и дѣвшка, полунаагая, медовая, съ тяжелой чернотой волосъ и легкими змѣинymi движениями.

Отблески фонаря, точно драгоценности падаютъ на ея тѣло. Она поетъ длинную бѣлую пѣсню.

Она падаетъ на колѣни предо мной и вытягиваетъ руки, которые вздрогиваютъ, какъ тростинки отъ вѣтра. Или вдругъ выпрямляется слегка откидываясь назадъ, приподнявъ овальное лицо. Тогда я вижу только кораллово смуглыя губы и два черныхъ кружка ея бархатныхъ, полузакрытыхъ глазъ.

Рубиновый огонекъ трубки ярко вспыхиваетъ, и съ неожиданной радостью, точно на давно любимую, смотрю я на дѣвшку.

Она раба и царица. Она служить божеству, и сама божество, выточенное изъ мягкаго, прочно пахнущаго дерева. Она пахнетъ моремъ и гвоздикой. Огнь ее вѣтъ всѣми преданіями ея таинственной страны, и спать легенды въ ея кошачьихъ, зажмуренныхъ глазахъ.

Бумажный фонарь качается отъ ворвавшагося вѣтра. Всѣ очертанія сломались. Черные тѣни заколыхались около стѣнъ, будто большіе, шелковые вѣера. И нѣть янтарно медовой дѣвшки, но изумрудная змѣя шуршитъ на цыновкахъ, и томиѣя пламенный застывшій взглядъ.

Дальше бѣжитъ таинственный морской путь.

Вотъ и китайскій Драконъ. Онъ весь зеленый съ черной змалью, и плещетъ

его долгий хвост въ голубоватыхъ водахъ Янъ-ци-Кянга.

Еще дальше,—восходящее солнце Яюни, словно щить древнихъ самураевъ, или вѣрь гейши, или золотая хризантема...

Такъ слушалъ я сказки, безконечного моря; онъ росли, искрились, баюкали,

Вотъ, рядомъ, большой коричневый камень. На него макушкъ зелено-ватая морская трава; она шевелится, какъ живая, всякий разъ, когда набѣгаютъ волны.

**

Вспоминается разное, вспоминается далекое, и вкусъ воспоминаній сладокъ и печаленъ.

Любовь—это то, что многимъ кажется смѣшнымъ, потому что комногимъ она никогда не приходитъ. Не стучитъ въ ихъ двери, идетъ мимо ихъ домовъ.

Но тѣ, къ кому она приходила хоть разъ, на-всегда остаются странными, избранными. Они всегда немногого разсѣянны, они видятъ сны съ открытыми глазами.

Любовь—это чудесная радость, въ которой сограетъ душа, скорѣе, чѣмъ отъ страданій и скорби.

И вотъ однажды мое обожаемое море подарило мнѣ эту сказку.

Совсѣмъ сказку, такъ все было странно, неожиданно, необычно.

Я бролилъ го берегу и любовался волнами, на-бѣгавшими на песокъ; въ лунномъ свѣтѣ онъ се-ребрился по краямъ.

Это было въ странѣ, гдѣ люди болѣе веселы, болѣе свободны.

Они лучше чувствуютъ красоту, и чаще ихъ душа открывается на-встрѣчу другъ друга.

Я увидѣлъ лодку, кото-рая отчаливала; я услы-шаль звонкую, незабвен-ную пѣсню:

Quando Rosa torna dal villaggio

Sia, sola e mesta in volto,

Jo la seguo, ma non ho coraggio
Di pregarla a dormi ascolto.

Такъ звѣнѣть и плещеть молодость!

И вотъ, кто го разсмѣялся—точно трель мандолины, лодка остановилась. И тотъ же мандолинный голосъ пригла-силъ меня на эту лунную прогулку.

Я покорно подошелъ, вѣдь, все это такъ мало было похоже на дѣйствительность, а въ своихъ снахъ развѣ мы властны что-либо измѣнить или пере-ставить?

Опять смѣхъ, чье то нѣжное рукопожа-тие; запахъ моря, запахъ праздничного платья и женскихъ волосъ; удары ве-

ГОЛОДАЮЩЕ.

Въ татарскомъ молитвенномъ домѣ. Молитва голодающихъ дѣтей, съ муллой во главѣ, о помощи.

(уч. Верхнено-Ладожскій, Енисейской губ.).

ВОЗДУШНЫЙ ДРЕДНОУТЪ.

Гигантский гидро-аэропланъ системы Каллексъ-Жансона, на которомъ изобрѣтатель намѣревается совершить перелетъ черезъ Средиземное море и Атлантический океанъ. Размеры этого воздушного корабля грандиозны: площадь 145 метровъ, длина крыльевъ 27 метровъ, вѣсъ 3,700 кил. (232 пуда), 2 мотора—по 200 силъ каждый.

Отъ нашего парижского корреспондента.

селъ, и потекла луна за кормой, такая же искристая, ломаная и серебряная луна, какъ пѣсня мандолинъ.

Рядомъ со мной сидѣла дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ; открытая ятарная шея, красный длинный галстукъ, янтарное продолговатое личико и глаза, которые я видѣлъ у мадоннъ на старинныхъ картинахъ. Но здѣсь они были прекраснѣй, потому что жили, сверкали, смыкались, потому что святость ихъ красоты смѣшивалась съ здоромъ моло-дости, съ искорками кокетства.

Они походили на бѣлое, невинное и необычайно прозрачное вино, но сдѣлай-

те гластокъ,—оно необычайной крѣпко, и сразу веселый хмель закружитъ голову.

Дѣвушка поетъ. Ослѣдяясь ея глаза и губы. Я пью ихъ очарование, какъ пью запахъ моря, лунный свѣтъ. Все берутъ все сливаются въ моей душѣ въ единое чудесное благоуханіе.

Но я молчу, потому что люблю, люблю эту ночную, янтарную лунную царевну, которая вотъ-вотъ скроется въ водахъ, которой имени я даже не знаю. Не видѣлъ вчера и, конечно, никогда болѣе не увижу.

Она легко касается моей руки.

Справившись:

— Vi piace la canzone? (нравится вамъ эта пѣсня?)

— Si, роняю я совсѣмъ тихо.

И можетъ быть она поняла, потому что глаза ее потемнѣли, пѣсня стала болѣе томной, и руки, которыхъ я схватилъ—вздраги-али.

Я любилъ. Такъ сразу молни¤ разрѣзаетъ нѣкоторая черное небо.

Я любилъ, и было все, что приносить это чудо,—радость и печаль, странное, необъяснимое волненіе, бережное созерцаніе и желаніе, бѣшное, какъ буря, желаніе затопить ласкай эту невѣдомую девушки, газа, губы, янтарное лицо, янтарную шею, тонкія руки и даже платье, такое волшебное и ароматное.

Я самъ запѣлъ.

Все это было такъ коротко и безконечно, какъ вѣка, безконечно, какъ пирамиды. Прощаясь, я спросилъ ее имя.

— Alexandrina, отвѣтила она, и имя ея тоже пахло моремъ, серебрилось, какъ луна, звѣнѣло словно мандолина.

Имя любви моей.

Потомъ тишина, одинокий берегъ, черные морские пути, убѣгающіе въ невѣдомья страны...

Теперь снова напомнило мнѣ обѣ этомъ милое море. Отъ него приходили ко мнѣ самыя чудесные сказки.

Смотрю на коричневые камни, уходящіе взглѣдомъ къ горизонту,—далеко бѣгутъ таинственные дороги.

...Золотой Гангъ, священный Бенгальскій... Змѣя съ изумрудными застывшими глазами... Рубиновый огонекъ трубки... Янтарно-медовая девушки, пахнущая гвоздикой... Зажмуренные глазки... Черные вѣра... Таинственный драконъ изъ голубоватыхъ водъ Янъ-ци-кянга...

Ал Станкевичъ.

КАРНАВАЛЬ ВЪ НИЦЦѢ.

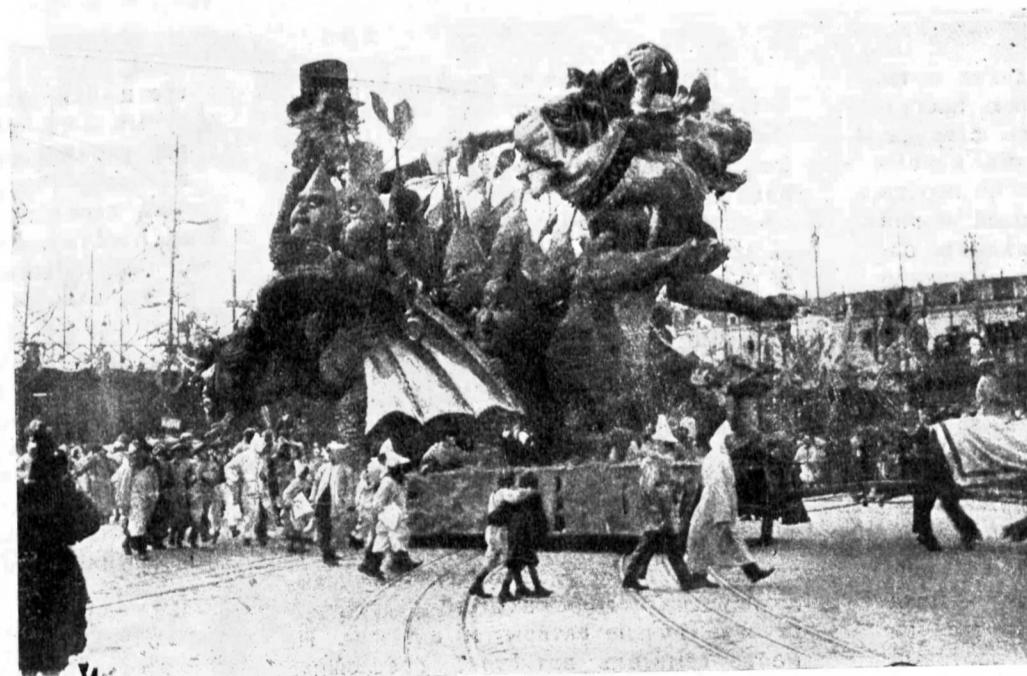

СМЪСЬ.

Арамейскій романъ.

При недавнихъ раскопкахъ въ Египтѣ среди груды юридическихъ документовъ найдены отрывки арамейского романа. Романъ разсказываетъ исторію богатаго Ахиквы, наерника и министра царя Санхериба. Пріемный сынъ Ахиквы обвиняетъ его въ государственной измѣнѣ. Ахиквѣ удастся доказать свою невиновность, и царь восстановливаетъ его въ должности. Избѣжавшій казни Ахиква обращается къ своему неблагодарному пріемьшу съ суровой рѣчью, въ которую онъ вплетаетъ притчи и моральныя поученія. Разсказъ этотъ былъ и рачьше извѣстенъ на разныхъ семитическихъ языкахъ, упоминается онъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ.

Бернскій профессоръ Карль Морти, известный ориенталистъ, полагаетъ, что найденный нынѣ текстъ представляє собою древнѣйшій вариантъ и, быть можетъ, даже оригиналъ разсказа объ Ахиквѣ. Арамейскій романъ короче всѣхъ другихъ вариантовъ на ту же тему, хотя онъ имѣетъ виду дать лишь раму для богатаго собранія басенъ, притчей и загадокъ.

1) Шествіе съ яйцомъ во рту. 2) Шествіе масокъ. 3) Колесница танго. 4) Колесница музыки.

Отъ нашего корреспондента.

Слишкомъ большой успѣхъ.

Ачри Бергсонъ профессорствуетъ въ Collège de France, одномъ изъ старѣишихъ храмовъ французской науки. Доступъ въ этотъ храмъ совершенно свободенъ для всѣхъ, но аудиторіи многихъ профессоровъ, тѣмъ не менѣе, почти пустыютъ. Какъ часто имъ приходится читать передъ пустыми скамейками! Было время говорить "День", когда и столь популярный нынѣ Бергсонъ излагалъ тайны метафизики всего лишь двумъ-тримъ слушателямъ. Теперь не то. Теперь онъ не можетъ найти себѣ досточно сбширной аудиторіи. Масса молодежи рвется на его лекціи, но много среди его слушателей и дамъ, нарядныхъ, раздущенныхъ свѣтскихъ дамъ. Прослушать Бергсона столь же модно, какъ носить драпированныя юбки.

Конечно, Бергсонъ долженъ быть бы радоваться такому успѣху, если бы былъ только въ состояніи снести къ нему серьезно. Неизвѣстно еще, что сулитъ ему этотъ успѣхъ въ будущемъ, но пока съ имѣть отъ него однѣ лишь непріятности. До сихъ поръ онъ читалъ въ аудиторіи, въ которой непосредственно передъ нимъ читаетъ лекціи Леруа Болье.

Какъ легко себѣ представить, экономическая проблема мало интересуетъ дамъ изъ аристократическихъ предмѣстій, и потому на его лекціяхъ всегда было можно отыскать свободное мѣстечко. Теперь все пошло по иному: для того, чтобы получить удобное мѣсто „на Бергсона“, его прекрасная почитательница забираются на лекцію Леруа Болье и занимаютъ лучшія мѣста; въ ожиданіи окончанія лекціи онъ принимаются болтать и мѣшаютъ студентамъ слушать Л. Болье. Кончилось все это на-дняхъ тѣмъ, что постоянные слушатели Л. Болье запротестовали, а самъ Леруа Болье вчезапно собралъ свои записки и ушелъ съ лекціи. Когда, въ свое время, его смѣнилъ Бергсонъ, уже знавшій о непріятностяхъ своего коллеги, съ заявилъ своимъ слушателямъ, что впредь онъ будетъ читать до Леруа Болье, прибавивъ при этомъ, что онъ разсчитываетъ, что завтракъ помѣшаетъ его слушательницамъ продолжать посѣщеніе его лекцій.

Экс-императрица и нищій.

Одна изъ парижскихъ газетъ разсказываетъ слѣдующую любопытную уличную сценку, произошедшую на дняхъ въ Парижѣ. Высокаго роста старушка, вся облечена въ чернѣ, опершись на пле-

Хакки - паша,
новый турецкий посолъ въ Петербургѣ.

диномъ я вспомнила, что ему осталась должна небольшую сумму". При этихъ словахъ старушка вынула изъ кошелька сто франковъ и вручила ихъ старику. „Теперь мы квиты“, — сказала она нищему.

Полицейскій отпустилъ старику и недоумѣвающимъ взглядомъ провожаетъ удаляющуюся не по гдамъ стройную фигуру старушки, не зная, что эта старая дама въ глубокомъ траурѣ — несчастная французская экс-императрица Евгения.

что среди нихъ нетрудно будетъ выбрать лучшія силы. Леди Робертсонъ сняла для своихъ спектаклей театръ Court Theatre*. Цѣны на билеты очень низкія, будуть даваться особыя представленія для дѣвочекъ школьнаго возраста.

Идея леди Робертсонъ пробудила живой интересъ въ англійской королевѣ, и она сбѣщала посѣщать его вмѣстѣ со своимъ дворомъ.

Что касается пьесъ, входящихъ въ репертуаръ этого театра, то тамъ, какъ передаетъ „Дѣнь“, будутъ давать произведения не только англійскихъ писателей, но также и пьесы извѣстныхъ иностраннѣыхъ драматурговъ. Въ программу входятъ пьесы Еріе „Самостоятельная женщина“ и Бернхона „Перчатка“.

Организація похитителей автомобилей.

Нью-йоркской полиціи удалось раскрыть многочисленную организацію воровъ, сдѣлавшихъ своей специальностью кражу автомобилей. Во главѣ воровской организаціи стоялъ инженеръ Роди. Жертвами воровъ сдѣвались, по словамъ „Б. В.“, многие нью-йоркскіе миллионы. Любопытно, что всѣ воры принадлежали къ хорошему обществу. Прижатый къ стѣнѣ на допросѣ у судебнаго слѣдователя, инженеръ Роди сознался въ томъ, что общая стоимость украденныхъ членами

Въ «сценической студії» П. И. Ильина.—Урокъ пластики.

Фот. В. Перлина.

что какого то господина среднихъ лѣтъ, выходитъ на обычную утреннюю прогулку. По дорогѣ она встрѣчаетъ стариака-нищаго. На безкровной бѣлизнѣ изможденного лица нищаго лих радочно горятъ глубоко впавшіе глаза. Холодный зимній вѣтеръ треплетъ космы его сѣдыхъ волосъ, острое ощущеніе голода явственно простирается на его лицѣ. Нищій воззрѣлся на старушку одѣтую въ черное. Онъ не произнесъ ни одного слова, но старушка, встрѣтивъ его по-чѣмъ мольбы взоръ, вынула изъ кошелька золотую монету и протянула руку съ подаяніемъ къ нищему.

Но, внезапно, словно изъ земли выросший блеститель порядка схватилъ нищаго за шиворотъ и объявилъ ему, что онъ арестованъ за нищенство. Дама въ черномъ не замедлила вступиться за нищаго. „Вы ошибаетесь, милостивый государь! При встрѣчѣ съ этимъ го-

Женскій театръ въ Лондонѣ.

Въ Лондонѣ только что открыты новый театръ „Cooperative Feminist Theatre“. Во главѣ этого предпріятія стоитъ леди Робертсонъ, которая дѣлгое время руководила театромъ „Drury Lane“ въ Лондонѣ, и которая, такимъ образомъ, обладаетъ большимъ опытомъ въ театральномъ дѣлѣ.

Новый театръ задался воспитательными цѣлями по отношенію къ широкимъ кругамъ народонаселенія, и, ставя пьесы, изображающія сорьбу же щины за свои права, онъ даетъ зрителямъ возможность самимъ судить о томъ, насколько права же щина въ своей борьбѣ за равноправіе.

Театръ этотъ имѣеть въ виду давать зрителямъ также и эстетическое наслажденіе, и на подмосквѣ его будутъ выступать лучшіе актеры и актрисы. Не менѣе семисотъ артистовъ предложило уже леди Робертсонъ свои услуги, такъ

его шайки автомобилей выражается въ суммѣ 2-хъ миллионовъ рублей. Воры всѣ украденные автомобили доставляли въ гаражъ Роди, где автомобили подвергались перекраскѣ, а затѣмъ поступали въ продажу. Долгое время нью-йоркская полиція билась надъ разрѣшеніемъ загадки, какимъ образомъ пропадаютъ самые дорогіе автомобили въ городѣ. Члены воровской организаціи вели широкій образъ жизни и проживали въ самомъ фешенебельномъ кварталѣ города. Из-вѣстіе объ ихъ арестѣ произвело огромную сенсацію среди ихъ знакомыхъ, не подозревавшихъ, что они подъ личиной свѣтскихъ джентльменовъ скрываютъ преступный промыселъ.

